

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 341.31

А.С. БРЫЧКОВ, д-р филос. наук, профессор¹

Г.А. НИКОНОВ, канд. филос. наук, доцент

доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических наук¹

¹Военная академия войсковой ПВО ВС Российской Федерации,
г. Смоленск, Российская Федерация

Статья поступила 24 апреля 2018г.

НАПАДЕНИЕ ГЕРМАНИИ НА СССР 22 ИЮНЯ 1941 Г.: ВО ВСЕМ ЛИ ВИНОВАТА ВНЕЗАПНОСТЬ?

Статья на основе архивных документов освещает события начального этапа Великой Отечественной войны. Авторы обосновывают свою версию событий, связанных с вступлением СССР в войну с Германией, опираясь на источники, не вовлеченные ранее в научный оборот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, разведка, донесение, приграничное сражение, РККА, Вермахт, оборона.

77 лет прошло с момента начала самой страшной войны в истории, а события этого периода не отпускают внимания людей, несмотря на то, что о них написаны уже горы книг и отсняты тысячи километров кино- и фотопленок. А сколько еще будет написано и снято?

Однако до сих пор остается множество вопросов, которые настоятельно требуют ответов. Один из них – причины поражений Красной Армии в начальном периоде войны, в особенности летом 1941 г. Была ли внезапность нападения Германии на СССР? Какова роль Сталина и высшего военного руководства в неудачном для нашей страны начальном периоде войны?

Война не окончена, пока не получены внятные ответы на многие вопросы, касающиеся, в том числе, и причин неудачного вступления в войну РККА, пока не похоронен последний солдат, павший на поле брани. Слишком просто было бы все валить на «тирана Сталина», который, видимо, был настолько не заинтересован остаться у власти, что не подготовил страну к войне, не слушал тех, кто призывал привести войска в боевую готовность, хотел нанести превентивный удар, обезглавил командный состав репрессиями и т.д. и т.п. Однако современная военно-политическая обстановка способствует самому пристальному изучению начального периода

возможной войны. Не повторить бы прошлых ошибок.

Сегодня появилась возможность опираться на документы и исторические источники, о которых в годы «перестройки» и последующих десятилетий информационной войны не принято было упоминать. К тому же «бал правили» либеральные историки, как правило, без специального исторического, а тем более военного образования (которое, чтобы профессионально разбираться в вопросах военной истории, надо бы иметь).

Итак, что должен был сделать политический лидер страны для подготовки ее к войне? Какова роль в подготовке к войне вооруженных сил наркома обороны К. Тимошенко и начальника ГШ Г. Жукова? Каково содержание документов от «основ стратегического развертывания вооруженных сил», до конкретных директив командирам приграничных частей о прикрытии участков государственной границы? Можно ли считать достоверной информацию о предвоенном и начальном периоде Великой Отечественной войны, содержащуюся в мемуарах маршала Жукова? Было ли предупреждено военно-политическое руководство о возможном нападении противника?

Постараемся разобраться без эмоций, опираясь только на документы. Любому военному человеку известно, что ответственность за подготовку ВС к войне несет нарком обороны и ГШ, а конкретно его начальник, поэтому заявления о том, что во всем виноват Сталин, или во всем виновата разведка, не соответствуют действительности. «Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше. Наша агентурная разведка не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о не намерении воевать с Советским Союзом» – говорил маршал Жуков на XIX пленуме партии¹ [1].

Когда же маршалу предъявили многочисленные донесения (военной) разведки о подготовке Германии к нападению на СССР, то четырежды Герой

Советского Союза, Г.К. Жуков был не просто изумлен, но и просто шокирован. Ведь ему предъявили именно те сообщения, на которых он был указан как адресат и на которых стояла его же собственная подпись, свидетельствующая о том, что он ознакомился с их содержанием еще тогда, в 1941 г. Кстати, именно из-за этого он вынужден был уже в первом, 1969 г. издания, варианте своих «Воспоминаний и размышлений» признать, что «20 марта 1941 г. начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Ф.Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности. В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана»[2].

Тем не менее, Жуков письменно заявил в мемуарах, что «выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали все их значение». Что при этом имел ввиду Г.К. Жуков непонятно, ведь исходя из первого вывода было ясно, что Германия не нападет на СССР, если находившийся в то время в Англии Гесс не достигнет благоприятного результата на переговорах с англичанами (и как показала история, англосаксы, судя по всему, сдержали слово – не открывали второй фронт до 1944 г.), а второй вывод очевиден – война началась 22 июня, а не весной 1941 г.

Доклад, представленный ГРУ, был составлен на основе сведений, в дальнейшем включенных в перечень, представленный Сталину и высшему военному руководству.

«В «Перечень ...» представленных Сталину сведений включены 57 донесений советских разведчиков о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Всего же с 1 января по 21 июня 1941 г. Центр получил 267 донесений, в которых детально отражалась подготовка Германии к нападению на СССР. По указанию начальника военной разведки, 129 донесений были доведены до сведения политического и военного руководства СССР. Практически ежедневно военная разведка докладывала Сталину, Молотову, Тимошенко, Берии и Жукову о нарастании угрозы со стороны

¹ Стенограмма октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы, М., 1957. С. 518

Германии. Докладывались и предполагаемые даты нападения на СССР.

Однако срок проходил, а нападения не было. Наряду с «правильной датой» (в нашем случае 22 июня 1941 г.), докладывалось много сведений, не соответствовавших действительности. В любом готовящем войну государстве точная дата нападения, во избежание утечки информации, называется даже своему командованию за несколько дней. Принимает решение об окончательной дате нападения только глава государства (дата нападения на Францию переносилась Гитлером 37 раз).

По данным разведки, таких «дат» нападения было более десяти. Так же обстояло дело и с информацией, поступавшей не по разведывательным, а по дипломатическим каналам.

Как видно, и ГРУ, и разведка НКВД, и высшее военно-политическое руководство накануне войны знали о предполагаемом дне начала войны. Тем более вызывают удивление попытки представить много сделавшего для укрепления страны наркома внутренних дел Л.П. Берия несведущим служакой, который докладывал в Кремль только ту информацию, которую там хотели слышать.

В последние годы в исторической литературе расхожим стало мнение, что якобы менее чем за сутки до генерального вторжения Л.П. Берия на одном из донесений внешней разведки НКГБ оставил такую резолюцию: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как желающих поспорить нас с Германией. Остальных строго предупредить» [3].

Однако авторы, ссылающиеся на существование подобных «резолюций», не могут подтвердить их наличие документально. Да и само существование подобных «документов» с каждым годом вызывает все большее подозрение. Скандальная пресс-конференция в 2010 г. бывшего заместителя генерального прокурора РСФСР и депутата госдумы В. Иллюхина с фактами массового вброса в российские архивы при Ельцине фальшивых документов, основной массив которых приходился на предвоенный и начальный период ВОВ, причем значительная часть этих фальшивок ориентирована на то, чтобы

документально доказать тот факт, что именно Сталин виноват в неправильном определении направления главного удара вермахта, что и привело к невероятной трагедии. Тем самым создается впечатление документального подтверждения некоей правдивости и объективности мемуаров некоторых маршалов, в частности Жукова и Василевского.

Вместе с тем, следует признать, что определенный круг лиц, через которых информация попадала к Сталину на стол, существовал. Однако система поступления информации на имя вождя исключала создание какого-либо информационного фильтра. Нельзя было лишить Сталина документальной информации о нарастании угрозы войны (это было чревато в том числе и для тех, кто мог бы лишить руководителя государства информации).

Как показывает анализ ситуации, у высоко ценившего разведанные руководителя государства недоверия к разведке не было. Было стремление перепроверять полученную информацию, что просто необходимо при принятии управленческих решений. Ведь ошибки стоят дорого. Необходимо было действовать крайне осторожно, ведь речь шла о вопросах войны и мира. В связи с этим необходима точнейшая информация и лучше, если она будет подкреплена документально.

Все разведсводки носят обобщенный характер, а это значит, что ни один руководитель разведки не рискнет делать выводы в категорическом тоне. Ни одна разведка мира не имеет полной информации о противнике. Любая разведка преодолевает действие контрразведки противника, а ее активность возрастает в предвоенный период, так как нужно скрыть приготовления страны к войне.

К тому же нельзя забывать и о предательстве. Перебежчики и перевербованные есть в любой разведке мира, и этого никто не отменял. Перед войной к противнику переметнулось немало разведчиков. Это нелегальные резиденты Игнаций Рейсе (Натан Маркович Порецкий), Вальтер Германович Кривицкий (Самуил Гершевич Гинзбург), Александр Орлов (Лейба Лазаревич Фельдбин). Был среди перебежчиков и начальник УНКВД Дальневосточного края Генрих Самойлович Люшков. К сожалению, во все времена для того, чтобы перебежчику быть «принятым» на той стороне, необходимо было «сдавать»

все: агентуру, конспиративные квартиры, явки, адреса, пароли, шифры, радиочастоты и т. д. Только один В. Кривицкий британской разведке и контрразведке сдал свыше 100 сотрудников, агентов, доверительных связей и контактов советской разведки практически по всему миру, прежде всего в Европе, в том числе и Англии. А между тем вся агентурная сеть, например внешней разведки СССР (то есть НКВД–НКГБ СССР), к началу войны насчитывала чуть более 600 агентов. Когда отчет британской контрразведки по опросу Кривицкого попал в Москву, на Лубянке были в шоке.

В таких случаях наступает двойная и тройная проверка как самих сотрудников разведки, остающихся работать за рубежом, так и информации, поступающей от них. Информация, переданная Р. Зорге, не исключение, учитывая и то, что Зорге был переведен для работы на Востоке после провала в Европе. Никто не мог дать гарантий, что это не ложные данные. В такой ситуации объявлять всеобщую мобилизацию категорически нельзя. Согласно требованиям международного права того времени, объявление мобилизации было равнозначно объявлению войны.

Почему–то считается, что на территории СССР не действовала германская разведка и можно было, не боясь огласки, двигать войска к границе. Пытаясь укрепить приграничные округа, Сталин в середине мая 1941 г. санкционировал выдвижение некоторых армий из внутренних округов в приграничные. И едва только началась эта переброска войск (а она происходила в условиях максимальной секретности), так практически тут же МИД нацистской Германии предъявил руководству СССР ноту протеста с требованием объяснить, почему 16–я армия из Забайкальского округа перебрасывается по железной дороге на запад? Были точно названы номер армии и направление передислокации. Характер утечек информации перед войной и в начале войны был таков, что об этом упоминает и Жуков. В самый разгар трагического начала войны, 19 августа 1941 г., уже месяц как бывший начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков представил Сталину очень интересную докладную. В ней Жуков писал: «Я считаю, что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно–стратегическую группировку наших сил и знает наши

ближайшие возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей» [4].

Стало хрестоматийным утверждение о том, что, пытаясь избежать столкновения с Германией, советское руководство старалось опереться на силу международного права, на Советско–германский договор о ненападении, на личные заверения Гитлера. Сталин, Молотов и другие советские руководители опасались дать повод Гитлеру для начала войны. И с этим можно согласиться (за исключением большого доверия к посланию Гитлера). Повод для начала войны Германии действительно нельзя было давать, т.к. в противном случае СССР мог лишиться союзнической помощи, а то и вовсе стать, в соответствии с международным правом, агрессором.

Следует признать, что советское руководство сделало все, чтобы в 1941 г. уберечь страну и ее народы от страшного удара. Но не допустить нападения Германии на СССР было невозможно, и определение срока нападения не играло существенной роли, нападение состоялось бы всё равно.

Что было сделано высшим военно–политическим руководством для непосредственной подготовки страны к отражению немецкого вторжения?

Следует различать политическую и военную составляющую подготовки страны к войне.

С политической точки зрения действия Сталина и Молотова не вызывают вопросов. После провала (не по вине СССР) переговоров со странами западных демократий о создании военного союза против Гитлера, Сталин сумел выиграть время для подготовки страны к войне. Заключение знаменитого договора о ненападении с Германией, столь проклинаемого сегодня либералами и демократами, позволило развернуть агрессивные устремления Германии на 180 градусов, а страна получила столь необходимую ей более чем годовую передышку.

В результате присоединения западноукраинских и белорусских земель, восстановления гегемонии в Прибалтике и переноса государственной границы с Финляндией значительно улучшилось военно–стратегическое положение страны: умножились ресурсы государства, а линия

соприкосновения с вероятным противником была отодвинута на сотни километров.

Гитлеровцы были лишены возможности включить в состав своих ударных группировок войск три сотни тысяч хорошо вооруженных солдат армий прибалтийских государств, создать из украинских националистов и прибалтийских нацистов добрый десяток эсесовских дивизий и применить их в первом ударе.

Осознавая неизбежность военного столкновения с Германией, СССР в период с 1935 по 1941 гг. провел следующие основные мероприятия по повышению боеготовности Советских Вооруженных сил:

1) перевод Красной Армии в 1935–1939 годах на кадровую основу;

2) введение всеобщей воинской обязанности в 1939 г.;

3) создание и развертывание серийного производства нового поколения вооружения и военной техники в 1939–1941 годах;

4) стратегическое мобилизационное развертывание Вооруженных сил в 1939–1941 годах с 98 дивизий до 324;

5) подготовка Западного ТВД к войне (аэродромы, укрепрайоны, дороги).

В апреле–июне 1941 г., с нарастанием угрозы войны, были приняты дополнительные срочные меры по повышению боеготовности, включавшие:

– призыв в апреле–мае сотен тысяч резервистов для пополнения войск западных военных округов;

– директивы: а) о срочном приведении в боеготовность всех долговременных огневых сооружений, укрепленных районов с установкой в них оружия полевых войск при отсутствии табельного; б) о создании командных пунктов; в) о скрытой переброске войск с 13 мая в западные округа; г) о приведении в боеготовность и скрытном выдвижении с 12 июня в сторону границы дивизий второго оперативного эшелона Первого стратегического эшелона, а также резервов западных округов; д) о приведении в боевую готовность войск западных округов с 18 июня 1941 г.; е) о занятии командных пунктов сформированными фронтовыми управлениями и т.д.

Сразу же после образования в 1939 г. советско–германской границы были резко интенсифицированы фортификационные работы. Прежде всего, в Киевском и Западном, а затем и Прибалтийском округах. Так началось строительство второй, самой

западной линии оборонительных сооружений, обычно именуемой в исторической литературе «линией Молотова».

На «линии Молотова» должны были быть построены 5807 сооружений, из коих к началу войны в число действовавших вошли 880, а 4927 находились в стадии строительства. На «линии Сталина» имелись 3279 сооружений, построенных в период с 1928 по 1939 г.г., и ещё 538 сооружений находились в стадии строительства. Впоследствии Хрущёв выдумал фантастическую глупость, что по приказу Сталина УРы на старой границе были взорваны (ещё один вариант – с них полностью снято вооружение). К глубокому сожалению, по конъюнктурным соображениям этой глупости подыграли и некоторые маршалы, особенно Жуков, также вынужденный объяснять, почему гитлеровцы, столь легко преодолев «линию Молотова», попросту перемахнули через «линию Сталина», в том числе и в самом мощном из округов – Киевском. Ведь им до середины января 1941 г. командовал сам Жуков, а затем и его выдвиженец Кирпонос.

Что касается советских планов вступления в войну, то, исходя из событий лета 1941 г., этот вопрос является предметом ожесточенной полемики. Единственно с чем трудно спорить, это то, что не существует ни одного советского официального документа (в отличие от знаменитого плана «Барбаросса»), который бы свидетельствовал, что планы СССР были наступательные.

На основании полученных разведанных (в том числе и о замысле плана «Барбаросса») маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым были разработаны и представлены политическому руководству страны «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 г.г.» от 18 сентября 1940 г., которые были утверждены 14 октября того же года [5].

На сегодняшний день это единственный известный официальный документ подобного характера (подписан и утверждён Сталиным). Этот план был сугубо оборонительный. Во главу угла была поставлена задача отражения и сдерживания противника, особенно его первого удара, а в случае вклинивания противника в нашу

оборону – выбивание его совместными контрударами мехкорпусов и стрелковых войск. При этом в качестве главного принципа обороны на этом, самом что ни на есть начальном, этапе войны предусматривался принцип *активной обороны*, в том числе и в сочетании с *активными действиями по сковыванию противника*. И только затем, когда будут созданы благоприятствующие этому условия, а под ними однозначно подразумевалось и рассматривалось сосредоточение основных сил западной группировки войск РККА, переход наших войск в решительное контрнаступление всеми силами. Здравая логика Генерального штаба, если учесть географическую особенность основного театра военных действий: ведь речь – то шла об обороне России от нашествия с Запада, а в условиях господствующей на этом направлении Русской равнины по-другому просто невозможно.

Все остальные предложения по развертыванию войск (составленные Василевским, Баграмяном и т.д. и т.п., на которые так любят ссылаться Лондонские Резуны–Суворовы и их внутрироссийские либеральные коллеги по изучению истории Второй мировой войны, не имеющие военного образования) *документами военного управления с юридической точки зрения не являются*, т. к. никогда не докладывались политическому руководству и соответственно не были утверждены в установленном порядке. Не вдаваясь в анализ соображений, заметим, что главная мысль документа, от которого должны были «верстаться» все нижестоящие документы боевого управления – сосредоточить основные усилия на прикрытии главного направления вероятного удара противника – направления Минск–Москва (полосы ЗАПВО, в полном соответствии с полученными разведанными). Главное отличие единственного официального государственного документа от бумаг, разрабатывавшихся Василевским, Баграмяном и другими, в том, что, согласно видению генерального штаба (Жуков и нарком Тимошенко), главный удар немцы должны были нанести на Юге (Киевский округ) и на Севере (Прибалтийский округ), а для парирования этих ударов предусматривалось нанести встречный контрудар (который привел к катастрофе лета 1941 г.) [6].

Возникают вопросы, на каком основании они были написаны и кто давал указание на разработку подобных соображений? Поражает и то, что трагические события первых недель войны были predetermined данным никем не утвержденным сценарием вступления страны в войну.

Как могло случиться, что официальный план вступления в войну предусматривал действия, полностью совпадавшие с данными разведки, а реальная подготовка к войне велась по иным соображениям? Почему Генеральный штаб Красной Армии, не поставив в известность политическое руководство страны, осуществлял военное планирование по другому документу?

Почему, на каком основании в качестве главного метода обороны страны Тимошенко, Жуков избрали вариант немедленного встречно–лобового контрудара или, если говорить строго военным языком, вариант отражения агрессии стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями? Ведь это не было предусмотрено официальным планом обороны. Почему командиры частей, не попавших под удар противника, вскрывая «красные пакеты» получали задачу перехода границы и атаки противника на польской территории? Это был вариант «плана приграничных сражений», расстрелянного еще в 1937 г. заговорщика Тухачевского и его окружения?

Концепция пограничных сражений – это вариант боевых действий, в котором главный приоритет отдавался немедленному встречно–лобовому контрудару, то есть якобы отражению агрессии стратегическими (фронтовыми) наступательными операциями, в том числе и в превентивном варианте. Тогда это называлось операциями вторжения. Кстати говоря, именно поэтому – то они и настаивали на превентивном варианте (и это дает возможность до сих пор «пятой колонне» кричать о том, что Сталин готовил превентивную войну). Потому как концепция пограничных сражений предусматривала приоритет удара фланговыми группировками с переносом центра тяжести на удары с воздуха и танковыми (механизированными) частями. Между тем сухопутные войска, стрелковые части, в таком случае выставляются статическим фронтом «узкой лентой» с минимальной линейной (оперативной) плотностью, к тому же с большими

разрывами между оперативными и стратегическими эшелонами. И их обороноспособность, прежде всего устойчивость в обороне при внезапном ударе, минимальная. Прорвать их оборону не представляет особого труда. Об ущербе такой «стратегии» отражения агрессии некоторые из советских генералов не только говорили еще тогда, в 1930-х гг., но и аргументировано доказывали свою позицию. Тем более что и все маневры и учения того периода четко доказывали то же самое. Прежде всего то, что применение такой концепции в дебюте войны чревато катастрофическим разгромом. И это хорошо было известно в генеральских кругах. Почему же в 1941 г. это было повторено практически под копирку?

Это положение очень важно для дальнейшего анализа подготовки высшим военным руководством страны вооруженных сил к предстоящей войне.

Как видно, политическим руководством страны был проделан огромный объем работы по подготовке страны к войне. Однако, коли «либеральные историки» и их «западные покровители», в соответствии с логикой информационной войны, пытаются все свести к просчету с определением срока нападения Германии на СССР, тем самым пытаясь отвлечь внимание от того, кто и зачем привел Гитлера к власти, вооружил, устроил Мюнхен и толкнул Германию к границам Советского Союза, а также способствовал созданию ситуации, в которой приграничные округа оказались на момент нападения противника, то мы коснемся и этой темы, опираясь на исторические факты.

От игравшей в то время уже роль стратегической разведки разведслужбы погранвойск НКВД СССР еще 15 июня 1941 г. были получены неопровержимые документальные доказательства того, что процесс выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции возобновляется с 4.00 18 июня 1941 г. В тот же день Сталин в последний раз осуществил проверку точности своего понимания складывающейся ситуации и достоверности получаемой разведкой информации, осуществив авиационную разведку в полосе Белорусского Особого военного округа.

Сталин вызвал командующего ВВС РККА Жигарева и Берия, которому подчинялись пограничные войска, и приказал силами ВВС Западного Особого военного округа

организовать тщательную воздушную разведку на предмет окончательного установления и документального подтверждения агрессивных приготовлений вермахта к нападению, а пограничники должны были оказать авиаторам содействие. Все это четко подтверждается записями в журнале посещений Сталина. В ночь с 17 на 18 июня у него в кабинете были Жигарев и Берия. 18 июня в течение светового дня вдоль всей линии границы в полосе ЗапОВО с юга на север пролетел самолет У-2, пилотируемый наиболее опытными летчиком и штурманом. Через каждые 30–50 км они сажали самолет и прямо на крыле писали очередное донесение, которое тут же забирали у них бесшумно возникавшие пограничники. Этот факт подтверждают воспоминания Героя Советского Союза генерал-майора авиации Георгия Нефедовича Захарова в книге «Я – истребитель» (перед войной он в звании полковника командовал 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа). Вместе с ним в том полете был штурман 43-й авиадивизии майор Румянцев. С высоты птичьего полета они все разглядели, нанесли на карты и письменно отчитались через каждые 30–50 км. Они четко зафиксировали, что началось лавинообразное движение всей армады вермахта к линии границы. Вот как происходила окончательная интегральная проверка разведывательных данных!

Одновременно Сталину докладывали о показаниях перебежчиков, которые начали переходить границу. Их поток нарастал. Со времен выхода в свет «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова в нашей исторической литературе о кануне войны сложилась малопонятная «традиция» утверждать, что на нашу сторону перебежал только один перебежчик, и то в ночь перед нападением, да и тому якобы не поверили, и даже якобы расстреляли, но только по тем данным, которые фигурируют в открытой литературе, есть все основания говорить как минимум о 24 перебежчиках с той стороны, которых никто их не расстреливал. И решение было принято.

18 июня 1941г. Сталин отдал приказ о приведении войск первого стратегического эшелона в полную боевую готовность. Директива была передана Генеральным штабом в войска, но фактически не была выполнена в тех приграничных округах, по

которым пришелся главный удар противника. В тексте Директивы № 1, которая поступила в военные округа в ночь на 22 июня, было написано: «Быть в полной боевой готовности» [7]. Необходимо обратить внимание на указание не «привести», а «быть». Значит, приказ о приведении войск в боевую готовность был отдан заранее.

Одновременно замалчивается факт приведения в боевую готовность других округов, например Одесского, который сумел привести войска в боевую готовность и встретил наступающих немцев и румын в укрепленных районах так, что уже в первый день немецкого наступления на территории этого округа оно было остановлено.

Впоследствии на суде бывший командующий Западным фронтом генерал Павлов и его начальник штаба подтвердили, что 18 июня была директива Генштаба, но они ничего не сделали, чтобы ее исполнить. Это же подтвердил и начальник связи округа, через которого она шла. Но саму директиву найти пока не удалось. Вероятно, что при подготовке к XX съезду Партии она была уничтожена. Однако последние предвоенные приказы, например, Прибалтийского округа, четко свидетельствуют о том, что его командование выполняло какое-то специальное указание Москвы. И в Киевском округе то же самое. И флоты отчитались о приведении в боевую готовность уже 19 июня. Тоже по этой директиве Генштаба.

Фактически Сталин не только правильно определил дату, но и правильно определил направление главного удара. По заявлениям Г. Жукова, Сталин считал, что главный удар будет нанесен в полосе КОВО с целью оккупировать Украину. Не потому ли там была сосредоточена Генеральным штабом самая мощная группировка войск, включая танковые корпуса? Воздушная разведка была проведена именно в полосе ЗапОВО. Сталин опасался, прежде всего, удара в полосе ЗапОВО (с 22 июня – Западный фронт) по направлению Минск–Москва, что и подтверждалось данными предвоенной разведки.

Убедившись, что война вот-вот начнется, Сталин отдал приказ об оповещении командующих западными военными округами о грядущем в самые ближайшие дни внезапном нападении Германии и необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в боевую готовность.

Командующие военными округами и флотами были предупреждены об этом телеграммой начальника Генерального штаба РККА генерала армии Жукова Г.К. 18 июня 1941 г. и отчитались о принятых мерах. Штабом Прибалтийского особого военного округа были приняты следующие меры во исполнение директивы из Москвы:

«ДИРЕКТИВА ШТАБА ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА 18 июня 1941 г.

С целью быстрее приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

4. Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определенных, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41 г.;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять и план работы их. Все это через начинщиков пограничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т.д.) для устройства переправ через реки Вилия, Невьяга, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа.

30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

г) командующим войсками 8-й и 11-й армий – с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекгносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии.

Срок выполнения – 21.6.41 г.

7. Командующим войсками армий и начальнику АБТВ округа.

Создать за счёт каждого автобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на

грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов – 4.

Срок выполнения – 23.6.41 г. Эти отдельные взводы в количестве подвижного резерва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионова в распоряжении командующих армиями.

д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать их по 50 проц. в 3 и 12 мк. Срок выполнения – 21.6.41 г.;

е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСТ принадлежностями для заправки машин (воронки, ведра).

Командующий войсками ПриБОВО
генерал–полковник КУЗНЕЦОВ

Член военного совета корпусной комиссар
ДИБРОВ

Начальник штаба генерал–лейтенант
КЛЁНОВ».

«ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

19 июня 1941 г.

1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Всё делать без шума, твёрдо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану

командующего армией – тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штабам, корпусу и дивизии – на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участвовавшие случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПриБОВО
генерал–полковник КУЗНЕЦОВ
Начальник управления
политпропаганды РЯБЧИЙ
Начальник штаба
генерал–лейтенант КЛЁНОВ»

Меры, принятые штабом 8–й армии ПриБОВО во исполнение директивы штаба округа, от 18 июня:

«РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 8–Й АРМИИ ПРИБАЛТИЙСКОГО ОСОБОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

18 июня 1941 г.

Оперативную группу штаба армии перебросить на КП Бубяй к утру 19 июня.

Немедленно готовить место нового КП. Выезд произвести скрытно, отдельными машинами.

С нового КП организовать связь с корпусами в течение первой половины дня 19 июня.

Начальник штаба 8–й армии
генерал–майор ЛАРИОНОВ».

Что касается Военно–морского флота, то существует легенда о том, что нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов по собственной инициативе привел флоты в боевую готовность накануне войны. Все намного прозаичнее: флоты были подчинены в оперативном управлении командованию военных округов и выполняли их директиву о приведении в боевую готовность, а не приказ Кузнецова. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице–адмирала Трибуц так отчитывался перед руководством:

«Донесение командующего
Краснознаменным Балтийским флотом
командующим Ленинградским и

Прибалтийским Особыми Военными округами, начальнику Погранвойск:

20 июня 1941 г.

Части КБФ с 19.6.41 г. приведены в боевую готовность по плану № 2, развернуты КП, усилена патрульная служба в устье Финского залива и Ирбенского пролива.

Командующий КБФ
Вице-адмирал Трибуц»

Также доложили остальные командующие флотами. Однако, несмотря на это, готовность флотов не была в режиме № 1, как впоследствии утверждал Кузнецов. К примеру, с 1943 г. засекречены «Записки участника обороны Севастополя» капитана 1-ранга А.К. Евсеева, из которых следует, что полную боевую готовность № 1 на Черноморском флоте объявили уже после того, как первые немецкие бомбы разорвались на Приморском бульваре Севастополя.

Все доклады об исполнении директивы из Москвы должны были поступить до 22 июня 1941 г.

Как же была выполнена директива?

Итак, по непонятной причине войска перед войной готовились не к реализации плана активной обороны в соответствии с единственным утверждённым на правительственном уровне документом, а к встречному контрнаступлению, отрабатывая наступательные задачи. К слову, в начале сентября 1940 г. в КОВО, а в это время командующим там был Жуков, прошли учения 6-й армии округа по сценарию немедленного (в том числе и превентивного) встречно-лобового удара на Юго-Западном направлении, да еще и с плацдарма Львовского выступа, который, по сути, был армейским прототипом будущего сценария вступления в войну, то есть плана от 15 мая 1941 г. выполненного Василевским. Получив директиву от 18.06.41 г. (за четыре дня до войны) о приведении войск в боевую готовность и развертывании фронтовых КП к 00 часов 22 июня 1941 г. командующие трех округов, по которым пришелся основной удар противника (группа армий Юг, Центр и Север), ее не выполнили. Основные группировки войск были сосредоточены в Белостокском и Львовском выступах, которые, по замыслу Генштаба, должны были ударить во фланг атакующих немецких группировок и, развивая встречное

наступление, выбить на территорию Польши, но в результате удара, который нанесли немцы в полосе Белорусского Военного Округа, сами оказались разбиты.

Один из наиболее мощных во всем приграничных округов, переименованный в Западный фронт – Западный Приграничный особый военный округ – фактически рухнул всего лишь за четыре дня. А командующий фронтом генерал Павлов пошел под расстрел с формулировкой за «создание противнику возможности для прорыва фронта Красной Армии». Расправы в первую очередь требовало руководство Наркомата обороны в лице Тимошенко, а вовсе не Берия, которому это приписывают. Обвинение Павлова и других сначала базировалось на аналоге знаменитой ст. 58 УК СССР (аналог которой находился в УК БССР). Однако в ходе судебного следствия обвинение было переключено на ст. 193 УК РСФСР, т.е. на воинские преступления. И суровый приговор вынесен по этой же статье. Сталин вовсе не желал повторения 1937 г., потому как воевать надо было, а не стрелять в своих. Но в то же время ясно продемонстрировал, что спокойно может обойтись и без пресловутой 58-й статьи. Уж кому-кому, но ему – то было более чем ясно, что на войне все может произойти. И потому всем был дан шанс самоотверженной борьбой против ненавистного врага исправить прежние ошибки. И многие, доказали, что ошибки исправлять умеют. Убедительным доказательством этого является производство в маршалы ряда военначальников, которые впоследствии стали символом Победы.

После 22 июня 1941 г. выяснять, кто же виновен в том, что, несмотря на прямое указание привести округа в боевую готовность, за четыре дня до войны этого не было сделано, не было времени. Сталина больше занимала проблема потери управления войсками со стороны Генерального штаба и неспособность командования военных округов (особенно Западного Особого), имеющих на вооружении на то время новейшие образцы военной техники, организовать сопротивление противнику. Необходимо было менять систему управления страной и организовывать фронт и тыл (вот основная причина создания ГКО и ВГК, которые позволили замкнуть государственное и военное управление на себя).

После войны Сталин вернулся к расследованию трагических обстоятельств лета 1941 г. и создал комиссию, которая выясняла, кто кроме Павлова и его штаба был виновен в трагедии. Если факт создания комиссии действительно имел место, то видимо были веские причины подозревать, что трагедия лета 1941 г. не просто неудачное стечение обстоятельств. Если называть вещи своими именами, то Сталин подозревал измену и видимо имел на этот счет веские основания.

Надо сказать, что тогда «о просчетах высшего военно-политического руководства» никто не писал, потому что все помнили, как было дело и ждали результатов расследования, а смерть вождя оказалась для многих спасительной. Поэтому эта тема получила свое развитие после XX съезда партии, когда Н.С. Хрущев, обвинив своего предшественника во всех возможных ошибках, в том числе упомянул о преступной самонадеянности руководителя государства и невнимании к донесениям разведки. Эту линию продолжил и маршал Жуков Г.К., который по должности отвечал за боеготовность вверенных ему войск на границе и которому необходимо было объяснить факт быстрого разгрома приграничных группировок Красной армии.

История должна писаться теми, кто не боится называть вещи своими именами и, соответственно, способен извлекать из прошлого уроки. В период резкого ухудшения международной обстановки, когда активно разрабатывается стратегия гибридной войны, где огромная роль отводится «пятой колонне» и использованию просчетов высшего военно-политического руководства в свою пользу, необходимо внимательнее присмотреться к действиям советского правительства по подготовке страны к войне (в том числе и к репрессиям). Нужно иметь мужество называть вещи своими именами и актуализировать проблемы, решение которых уже 77 лет ждут честно выполнившие свой долг бойцы и командиры Красной Армии, все граждане

СССР, вынесшие на своих плечах всю тяжесть самой страшной войны.

Список литературы

1. Стенограмма октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. – М., 1957. – С. 518
2. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – М., 1990. – Изд. 10. – Т. 1. – С. 248–249.
3. Ивашутин, П.И. Докладывала точно / П.И. Ивашутин // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 5. – С. 57
4. Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы, 1941 г. – Т. 16. – М., 1996. – С. 361
5. ЦАМО. – Фонд 16. – Оп. 2951. – Д. 239. – Л. 197–244.
6. ЦАМО. – Фонд 16. – Оп. 2951. – Д. 237. – Л. 1–15.
7. ЦАМО. – Фонд 48А. – Оп. 1554. – Д. 3. – Л. 257 – 259.

Резюме. Время – величина необратимая. Его невозможно обратить вспять и исключить из контекста истории. Поэтому чем дальше оно уносит ныне живущее поколение от событий начала Великой Отечественной войны, тем ценнее становится стремление историков, ученых, военных, общественных и государственных деятелей приблизиться к объективной истине и восстановить подлинную картину событий в их диалектическом субъектно-объектном соотношении и взаимодействии.

Abstract. The time is irreversible. It cannot be reversed and excluded from the context of history. Therefore, the further it takes away the living generation from the events of the beginning of the Great Patriotic War, the more valuable is the desire of historians, scientists, military, public and state figures to approach the objective truth and to reconstruct the truth and to reconstruct the true picture of events in their diplomatic subject-object relationship and interaction.

BRICHKOV Anatoly S., Doctor of Philos., Professor¹

NIKONOROV Grigory A., Cand. of Philos. Sc., Associate Professor¹

¹The Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy

THE ATTACK OF GERMANY ON THE USSR ON JUNE 22, 1941: IS IT ALL THE FAULT OF SUDDENNESS?

The paper lights the earliest period of war on the ground of archives. The authors prove their opinion on the events connected with the accession of the USSR to the war with Germany using historical documents never used before.

Keywords: *Great Patriotic War, reconnaissance, report, boundary battle, WPRA, Wehrmacht, defense.*

References

1. *Stenogramma Oktiaborskogo 1957 g plenuma ZK KPSS i drugie materials* [The transcript of the October plenum of the Central Committee of the CPSU in 1957 and other documents], Moscow, 1957. 518 p. (In Russian)
2. Zhukov G.K. *Wospominania i razmslenia* [Memories and reflections.] Edition 10, Volume 1. Moscow, 1990. pp.248–249 (In Russian)
3. Ivashutin P.I. *Dokladowala točno* [Reported accurately] // [Woенно–istorisecki yurnal] Military– historical journal. 1990. № 5. p.57 (In Russian)
4. *Russki arhiw. Welika Oteyestwenna. Stawka WGK. Dokumentc i material 1941 g.* [The Russian archive. The Great Patriotic War. Documents and materials, 1941]. Volume 16. Moscow, 1996. 361 p. (In Russian)
5. *Zentraln Arxiv Ministerstwa Oborons* [Central Archive of the Ministry of Defense]. F.16 op. 2951 d. 239 pp. 197–244 (In Russian)
6. *Zentraln Arxiv Ministerstwa Oborons* [Central Archive of the Ministry of Defense]. F.16 op. 2951 d. 237 pp. 1–15 (In Russian)
7. *Zentraln Arxiv Ministerstwa Oborons* [Central Archive of the Ministry of Defense]. F.48A op. 1554 d. 3 pp. 257–259 (In Russian)

Received 24 April 2018